

Насибов К.Р.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.77.101-105

УДК: 343.1

Проблемы соотношения оценки доказательств судами, обвинением и защитой

Аннотация: С нашей точки зрения, проблема единой оценки одних и тех же доказательств субъектами процесса может быть решена лишь в законодательном порядке, когда в УПК будут четко обозначены процедуры этого и, как это не парадоксально, обязанность детального процессуального оформления оценки доказательств и доводов об этом сторон процесса и суда. Пока что это сводится к голословным утверждениям.

Ключевые слова: уголовный процесс; оценка доказательств; субъекты доказывания; теория асимметрии; теория плодов «отравленного дерева».

Согласно ст. 145 УПК Азербайджанской Республики, дознаватели, следователи, прокуроры и судьи должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном их рассмотрении в совокупности, руководствуясь законом и своей совестью.

Защитники в состав субъектов оценки доказательств не включены, что дает основание утверждать, что эфемерные предписания в части внутреннего убеждения и совести к ним не относятся. Тем более, что до настоящего времени единой точки зрения по сути и содержанию понятий внутреннего убеждения и совести ни в юриспруденции ни в психологии нет. Есть сотни противоположных точек зрения и вытекающих из них предложений, от которых, пока что, практики большой пользы не видят.

Автора, как адвоката, специализирующегося на защите по уголовным делам, интересуют более заземленные проблемы, основная из которых причина разной оценки одних и тех же доказательств представителями сторон уголовного процесса и судом.

Ясно, что и те и другие люди, со своим уровнем знаний, логики, мировоззрения, убеждений, интересами и т.п. и, главное, совестью, обусловленной объективными, но, к сожалению, зачастую, и субъективными причинами.

В настоящей статье мы не претендуем на кардинальное решение проблемы одинаковой оценки одних и тех же доказательств всеми участниками уголовного судопроизводства, поскольку это по объективным и субъективным причинам пока еще Сизифов труд.

Однако, концептуальные вопросы попытаемся затронуть, поскольку их решение является обязательным для решения исследуемой проблемы.

На данном этапе не касаемся субъективных причин разнобоя в оценке доказательств, таких как тенденциозность дознавателей, следователей и прокуроров, обусловленная обвинительными установками руководства и неверными положениями уголовно-процессуального закона.

---

*Насибов Кямандар Рафи оглы – доктор философии права, адвокат, член Коллегии адвокатов Азербайджанской Республики (Азербайджан). E-mail: k.nasibov@knp.az

Действительно, как не отстаивать позиции обвинения, происходящие из ведомственных интересов по «борьбе с преступностью», тем более когда позиции эти согласованы и подтверждены руководителями высоких уровней, в том числе и процессуальными. Противное равноценно должностному суициду.

Несколько иное положение в судах, но и там довлеет бремя борьбы с преступностью и нежелание конфронтации со стороной обвинения, когда одна победа в процессуальном споре всегда становится пирровой и способна негативно отразиться на всей дальнейшей деятельности. Тем более, при практике непроцессуальных отношений и согласований между руководителями ведомств.

Однако, оставим рассмотрение субъективных моментов до поры до времени, начнем с «чистого листа» при условной ситуации единого понимания субъектами оценки доказательств понятий совести, совокупности и положений закона.

Бакинским судом по тяжким преступлениям гр-н Г. признан виновным в участии в 2005 г. в Пакистане и Афганистане в деятельности «Аль-Каиды», совершении двух террористических актов, других преступлениях аналогичной направленности.

В основу обвинения были положены признательные показания Г. в ходе досудебного производства, от которых он через день отказался, заявив, что был вынужден под пытками подтвердить и подписать сфабрикованные показания.

В ходе расследования и в суде ни один свидетель обвинения установлен и допрошен не был.

Между тем, защитой были представлены доказательства о том, что террористические акты, указанные в «признательных» показаниях Г. места не имели, Г. был задержан в Пакистане как незаконный мигрант, его причастность к терроризму в Пакистане и Афганистане была проверена компетентными органами указанных стран, однако подтверждения не нашла.

Тем не менее, Бакинский суд по тяжким преступлениям, а затем и Бакинский апелляционный суд в основу своих выводов о «виновности» Г. взяли его «признательные показания», которые в последующем были признаны нелегитимными (недопустимыми) лишь Верховным Судом Азербайджанской Республики и приговор вместе с постановлением апелляционной инстанции в отношении Г. были отменены.

Однако, на этом перипетии Г. не закончились: Бакинский апелляционный суд при повторном рассмотрении дела, неверно толкуя положения теории об асимметрии доказательств, исключив из процесса как недопустимые «признательные» показания Г., в то же время не сделал вывод об отсутствии в деле других данных о совершении им террористических актов и не прекратил обвинение в этой части. Получилось как в известном анекдоте о двумерности «интересного» положения.

Согласны, что субъективные причины в данных решениях преобладают, но по закону решения, ими обусловленные, должны быть подробно «расшифрованы» в процессуальных документах.

Другой пример из практики того же приснопамятного Бакинского суда по тяжким преступлениям.

Гр-ка А. без процессуального оформления была задержана утром 08.09.2023 г. около своего дома, доставлена в РУП, подвергнута там личному обыску, после чего направлена на наркологическое обследование, затем доставлена к дознавателю, где сотрудником мужского

пола повторно был произведен её личный обыск, после чего А. в качестве свидетеля допросил следователь, а затем составил протокол осмотра и выемки, согласно которого, якобы обнаружил у свидетеля мобильный телефон, планшет и несколько подложных рецептов. А. принадлежность ей подписи в данном протоколе категорически отрицала.

Не затрагивая явные нарушения уголовно-процессуального законодательства, отметим лишь логическую несостоятельность сфабрикованных действий и их результатов.

Получилось, что, опять таки якобы, что А. носила при себе предметы (телефон, планшет, рецепты), «обнаруженные» у неё при осмотре следователем с утра до вечера 08.09.2023 г., предметы эти не были найдены при двух незаконных личных обысках и при наркологическом обследовании.

Однако, ходатайство защиты об исключении протокола осмотра и выемки из процесса как недопустимого доказательства судом было отклонено по мотивам того, что мужчины-полицейские, произведшие личные обыска А. из «этических соображений» могли не полностью её осмотреть !!!(???) Логика защиты была «разбита» алогизмом, противоречащим здравому смыслу. Все это при том, что мы исключаем субъективные соображения суда.

Следовательно, в мутном осадке остается только логика, а точнее игнорирование субъектом доказывания её основных законов, позволяющих диагностировать ложные суждения: тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

Объемы настоящей статьи не позволяют полностью изложить наши соображения и предложения по единому толкованию и использованию законов логики. Об этом в следующей работе.

Пока же предлагаем на суд читателей несколько концепций оценки доказательств, используемых в практике ряда зарубежных стран, которые, как представляется, при определенных коррективах могут быть использованы и в азербайджанском уголовном процессе.

Теория асимметрии доказательств усилиями ученых-процессуалистов произошла из математической концепции асимметрии, под которой понимается отсутствие симметрии у объектов либо сочетание объемно-пространственных элементов, характеризующих отсутствие оси симметрии [3, с. 22-24].

В процессе суть теории асимметрии доказательств состоит в возможности использования доказательств, полученных с нарушением закона, по ходатайству стороны защиты.

Согласно УПК, недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания, однако ученые-процессуалисты не имеют единой позиции на этот счет.

Так, некоторые утверждают, что если дознавателем либо следователем нарушены правила собирания доказательств, то обвиняемый не должен нести за это ответственность [4, с. 4]. Другие отмечают, что при решении этого вопроса следует исходить из правил о преимуществе защиты и толковании сомнений в пользу обвиняемого (подозреваемого) [5, с. 345]. Мы также придерживаемся этой точки зрения.

В 1920 г. Верховный суд США представил теорию «плодов отравленного дерева», обосновывающую правило об исключении из разбирательства не только всех доказательств, полученных с нарушением установленных процедур, но и полученных на их основании, независимо от наличия либо отсутствия процессуальных нарушений [1, с. 502].

Суть теории состоит в том, что если «дерево отравлено», т.е. первоначальное следственное действие произведено с нарушением закона и доказательство признано недопусти-

мым, то и все доказательства, полученные в ходе остальных следственных действий, объектом которых являются ранее полученные предметы, тоже признаются недопустимыми. Все последующие сведения, полученные на основе недопустимого доказательства, если они не были обнаружены без его помощи, исключаются из рассмотрения [6, с. 56-59].

Вместе с тем, в последующем в США был выработан и более гибкий подход к проблеме - так называемая доктрина “серебряного блюда” - способ легализации в качестве доказательств данных, которые были первоначально добыты субъектом в нарушение закона, но затем приняты судом из рук другого, неопороченного, субъекта доказывания. То есть, в соответствии с данной доктриной, незаконно полученные данные подобно плодам отравленного дерева, помещенным на “серебряное блюдо”, как бы санируются и снова становятся применимыми для правосудия. Доктрина “серебряного блюда” применима в США при оценке допустимости доказательств с учетом той роли, которую выполняет лицо, получающее сведения, а именно: если оно субъект доказывания, то допущенные им существенные нарушения закона исключают допустимость полученного им или по его инициативе доказательства, когда же лицо не является в деле субъектом доказывания и стороной - незаконно полученная им независимая информация, тем не менее, может стать доказательством после приобщения к делу в установленном процессуальном порядке [2, с. 364].

Все это хорошо, но с нашей точки зрения, проблема единой оценки одних и тех же доказательств субъектами процесса может быть решена лишь в законодательном порядке, когда в УПК будут четко обозначены процедуры этого и, как это не парадоксально, обязанность детального процессуального оформления оценки доказательств и доводов об этом сторон процесса и суда. Пока что это сводится к голословным утверждениям.

Библиография

1. Бернам У. Правовая система США. 3-ий выпуск. – М.: РИО Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
2. Боруленко Ю.П. Юридическое познание в установленном процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. - Владимир: ВГГУ, 2009. – 552 с.
3. Верещагина М.А. Асимметрия правил о допустимости доказательств // Вестник ЮУрГУ, 2007, № 28. – С. 22-24.
4. Миронов В. Правила оценки допустимости доказательств // Законность. 2006. №5.
5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. Учебник для вузов. М.: Норма, 2019. – 702 с.
6. Сутягин К.И. Применение доктрины «плодов отравленного дерева» при оценке допустимости доказательств требует корректировки // Вестник ОГУ. 2008. № 83. – С. 56-59.

Nasibov K.R.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.77.101-105

UDC: 343.1

**Problems of the correlation of the assessment of evidence
by courts, prosecuting party and defense**

Abstract: From our point of view, the problem of a uniform assessment of the same evidence by the subjects of the process can be solved only by law, when the Criminal Procedure Code clearly defines the procedures for this and, paradoxically, the obligation of a detailed procedural registration of the assessment of evidence and the arguments of the parties to the process and the court about this. So far, this comes down to unfounded assertions.

Keywords: criminal procedure; assessment of evidence; subjects of proof; asymmetry theory; theory of the fruits of the “poisoned tree”.

References

1. Burnham W. The US Legal System. 3rd edition. Moscow, New justice Publ., 2006, 1216 p. (in Russian).
2. Borulenko Yu.P. Legal knowledge in the established procedural, operational-search and private detective activity. Vladimir, VGGY Publ., 2009. 552 p. (in Russian).
3. Vereshchagina M.A. Asymmetry of the rules on the admissibility of evidence // Bulletin of SUSU, 2007, No. 28. - P. 22-24. (in Russian).
4. Mironov V. Rules for assessing the admissibility of evidence // Legality. 2006. No. 5. (in Russian).
5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal procedure. Textbook for universities. Moscow, Norma Publ., 2019, 702 p. (in Russian).
6. Sutyagin K.I. The application of the “fruit of the poisoned tree” doctrine in assessing the admissibility of evidence requires adjustment // OSU Bulletin. 2008. No. 83. – P. 56-59 (in Russian).

---

* **Nasibov Kamandar Rafi oglu** – PhD in Law, lawyer, a member of Bar Association of the Republic of Azerbaijan (Azerbaijan). E-mail: k.nasibov@knp.az